

Апокриф в русской и мировой литературе XIX века

Габриэлла Топор, др., конф.

Summary

The article is dedicated to one of the most popular genres of the religious literature – apochryphal. From the beginning of the Middle ages the apochryphal legends drew the writers' attention. This genre becomes the most popular in the XIXth century. Apochryphal beginnings got an important place in philosophical drama "Kain" (1821) by J.G. Byron, in the novels "Life of Jesus" (1863) by E. Renan and "Karamazov Brothers" (1880) by F.M. Dostoyevsky. The biblical motifs, penetrating in narration of these literary works, transform and get apochryphal character.

Апокриф был одним из самых популярных религиозных жанров, который нашел свое отражение и в литературе. Наряду с Библией, он выступал в качестве второго источника тем, сюжетов и образов для произведений мировой литературы. В разное время к апокрифам обращались такие поэты и писатели, как Данте в «Божественной Комедии» (начало XIV в.), Дж.Мильтон, автор знаменитых поэм «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671). И в более позднее время художники слова обращались к этому жанру. Особый интерес вызвал апокриф в XIX в. Об этом свидетельствуют произведения Дж.-Г.Байрона, Ф.М.Достоевского, Э.Ренана и др.

Действительно, апокрифическое начало заняло значительное место в философской драме Дж.-Г.Байрона «Каин». На основе библейского сюжета о первых людях на земле поэт создал могучее творение. Сюжет о Каине и Авеле лежит в основе этого литературного произведения, где имело место начавшееся в эпоху романтизма переосмысление образа Каина, который представлен смелым и гордым человеком, бросившим вызов Богу [2, 137].

Байроновский Каин – это не преступный братоубийца, каким его представляет библейская легенда, а первый бунтарь на земле, восстающий против деспотии бога, обрекшего род людской на рабство и неисчислимые страдания. Каин с недоумением и негодованием смотрит на своих родителей – Адама и Еву, которые изгнаны из рая, но, тем не менее, воспитывают сыновей в духе рабской покорности богу.

Иегова в драме Дж.-Г.Байрона честолюбив, подозрителен, мстителен, жаден, падок на лесть, словом, наделен всеми чертами земного деспота. Каин, обладающий острым умом и наблюдательностью, ставит под сомнение авторитет бога. Он жадно стремится к познанию мира и его законов и достигает этого с помощью падшего ангела Люцифера – гордого мятежника, который был свергнут богом с неба за вольнолюбие, но не покорился небесному деспоту [2, 139].

Люцифер открывает Каину глаза на то, что все бедствия ниспосланы людям богом – это он изгнал их из рая, это он обрек людей на неизбежную смерть.

Как и Манфреду, знание не приносит Каину счастье. Оно лишь наполняет его сознанием несправедливости тех законов, по которым устроено мироздание. Каин не может примириться с велениями верховного божества «жить, словно червь», «трудиться, чтобы умереть». Его бунт принимает всеобъемлющий характер: он не только протестует против тех условий, в которых осуждены жить люди на земле, но и против всего мирового порядка, против самих законов природы, бросая этим гордый вызов богу. Этот бунт главного персонажа драмы против мирового порядка прозвучал как протест против реакционного общественного строя, который освящался религией, признавался ею вечным и нерушимым.

Каин – гуманист, восстающий против власти и авторитета бога во имя счастья других людей, его глубоко печалит судьба грядущих поколений человечества. Поэтому он выступает в качестве поборника прав всего угнетенного человечества. В отличие от библейского Каина байроновский не одинок: в лице Люцифера – «духа сомнения и дерзания» – он имеет советчика и союзника; он нежно любим Адой и отвечает ей взаимностью. Образ любящей жены Каина Ады – один из самых очаровательных женских образов в творчестве Дж.-Г.Байрона. Она не только возлюбленная Каина, но и его друг и утешительница. В ней сочетаются женственность и мужество, любящее сердце и сила характера. Она без колебаний идет за мужем в изгнание, навстречу грядущим бедам и испытаниям.

Таким образом, драма «Каин» отразила насколько было сложным отношение Дж.-Г.Байрона к христианской религии. Она, как и многие его произведения, полна напряженных размышлений о природе Бога, смысле жизни, судьбе человека и его предназначении.

Как и все великие творцы, Дж.-Г.Байрон не устаревает, его произведения имеют, и всегда будут иметь огромное значение для мировой литературы. Библейская же тематика, к которой он не раз обращается в своем творчестве, универсальна, она поднимает произведение до вселенских масштабов, позволяя автору в самом широком смысле рассуждать о явлениях реальности и закономерностях человеческой природы. И в этом контексте образ Каина очень важен не только для литературы первой половины XIX века, но и для мировой литературы в целом. В нем находят отражение переломная эпоха, кризис просветительского мировоззрения, разочарование в доктрине «естественного человека», а так же духовные искания самого Дж.-Г.Байрона. Более того, Каин – это в некоторой степени обобщенный образ всего человечества вообще и каждого его представителя в частности. Мистерия «Каин» – одно из величайших произведений мировой литературы, которое и сегодня читается с исключительным интересом и восхищением [3, 56].

И великий русский романист Ф.М.Достоевский в своем творчестве обращается к жанрам религиозной литературы. Так, в его знаменитом романе «Братья Карамазовы» можно пронаблюдать целую систему параллелей и ассоциаций с мотивами жития святых (роман был начат как «жизнеописание» Алексея Федоровича Карамазова, в него включено житие старца Зосимы), духовного стиха («Житие Алексея, человека Божия» и духовный стих о нем), а также апокрифов (включение апокрифической легенды «Хождение Богородицы по мукам» в поэму о Великом инквизиторе). Да и весь роман в целом соотносится с апокрифической легендой, которая продолжает тему бессмертия в «Легенде о рае». Наряду с этим и известный апокриф «Христов братец» встречается в главе «Луковка».

Начиная с XIX века апокриф использовался многими писателями и философами и как ориентир для воссоздания в своих произведениях жизнь Иисуса. В 1863 году во Франции была издана книга о Христе «Жизнь Иисуса» (1863), которая произвела большое впечатление и повлияла на всех писателей, бравшихся потом за этот сюжет [5, 77].

Автором этой книги был Эрнест Ренан. Цели своей – воссоздать образ евангельского Христа как человека, как живой индивидуальности без чего-либо выходящего за пределы хорошо известных явлений – автор не скрывал. И с художественной точки зрения эта задача, казалось, была выполнена [5, 81].

Иисус Назарянин – юноша, выросший в «упоительной» среде Севера. Он чист, наивен, полон нежности и снисходительности к людям. Он проповедует счастливое Царство добрых бедняков, проповедует безоблачную «религию сердца», веру в благого небесного Отца. По выражению Ренана, это был «чистый культ, религия без священников и без обрядности, всецело основанная на влечении сердца, на подражании Богу». В течение года, пишет Э.Ренан, «Бог поистине обитал на земле». Однако идиллия была прервана. «Чарующий Учитель» столкнулся с грозным иудейским пустынноиком, Иоанном Крестителем. Он-то и внес смущение в сердце Иисуса. Проповедник любви и радости задумал после этой встречи покорять мир более энергично. Он вступает в споры с учеными, совершает мнимые чудеса (или позволяет верить в них), становится резким и нетерпимым, ставит перед своими последователями невыполнимые требования и, наконец, идет в Иерусалим, чтобы бросить вызов темному царству фарисеев [4, 32].

Поход в Иерусалим приводит к трагической развязке. «Второй» Иисус, этот «мрачный гигант», подавивший «первого», кончает жизнь на кресте. Сцену Голгофы Э.Ренан заканчивает панегириком, который в его устах звучит странно и двусмысленно: «Покойся же отныне в славе Своей, благородный Учитель; Твой подвиг совершен; незыблема божественность Твоя. Да не смущается дух Твой; никакая роковая ошибка не разрушит вовек воздвигнутое Тобою здание»... И далее в таком же духе [4, 44].

Иные наивные читатели принимали подобные хвалы за чистую монету, не замечая, что все это пустая риторика. Ибо чем было восхищаться? Кого изобразил французский беллетрист? Слабого человека, легко подверженного влияниям, жившего иллюзиями и наивными доктринами давно прошедших дней. Человека, готового на «невинные обманы», полного постоянных колебаний и внутренних противоречий. Суть его учения – набор сентиментальных банальностей во вкусе парижских мещан. Яркие картины эпохи и природы не спасают положения. Рама великолепная, но в ней помещено полотно с изображением человека, в сущности, жалкого... Невозможно себе представить, по Э.Ренану, чтобы герой этого романа положил начало великой мировой религии, изменившей ход истории. Поэтому образ, им созданный, оказался насквозь фальшивым и недостоверным. На фоне этого фиаско спорные детали уже не играют решающей роли [1, 503].

Обнаружилась фальшь и в призыве Э.Ренана благоговейно относиться к образу Основателя христианства. Это видно хотя бы из его трактовки Гефсиманской молитвы Христа в час Его смертельной скорби. Она истолкована писателем в высшей степени тривиально. «Вспомнил ли Он, – пишет романист, – о светлых галилейских ключах, где Ему можно было освежиться; о виноградных кустах и смоковницах, под тенью которых Он мог отдохнуть, или о юных девах, которые, быть может, готовы были полюбить его?». За каждым словом здесь сквозит одна-единственная мысль: «Он человек, Он просто человек, Он такой же человек, как мы, – не более». И этого было достаточно, чтобы опошлить, сделать элементарным и плоским трагическое и священное [1, 505]. Таков был эксперимент Э.Ренана.

Когда прошел первый шок, вызванный его книгой, христианские и нехристианские писатели извлекли из нее немало поучительных уроков, как в отрицательном, так и в положительном смысле. Одни справедливо критиковали его за произвол и натяжки, другие, соглашаясь с критиками, учились у него так называемой «исторической живописи». Но большинство прозаиков интуитивно поняли его главный изъян. Выяснилось, что того Христа, который стал «светом миру», изобразить Э.Ренан не смог. И

его неудача определила подходы к евангельской теме почти во всей беллетристике конца XIX века.

Таким образом, апокрифы, глубоко проникая в ткань произведений, помогали зачастую поэтам и писателям раскрытию авторского замысла. Однако, попадая на литературную почву, они трансформировались.

Библиография

1. Аверинцев, С. С., Иисус Христос // Мифы народов мира, М., 1980. – т. I.
2. Гинзбург, Л. Б., Резник, А. Я., Зарубежная литература, Минск, 2004.
3. Лосев, А. Ф., Диалектика мифа // Лосев, А.Ф., Философия. Мифология. Культура, М., 1991.
4. Мень, А., В поисках подлинного Христа // Иностранная литература, 1991. – №3.
5. Мень, А., О Ренане и его книге // Ренан Э. Жизнь Иисуса, М., 1990.